

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Специальной областью языковедческих исследований Г. И. Рамстедта первоначально был монгольский язык и, в частности, его живые диалекты. Однако уже довольно давно он обратился к изучению гипотезы родства монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Его первая работа, относящаяся к этому вопросу — „Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen“ (JSFOu, 24:1), была опубликована в 1907 г. В период его преподавательской деятельности, начатой в 1906 г. в качестве доцента Университета в Хельсинки и прерванной из-за длительных исследовательских экспедиций в 1909 и 1912 гг., он прочел весной 1910 г. лекции по морфологии тюркско-монгольского праязыка. Позднее, в своем курсе, читанном в 1914—1915 учебном году, он изложил историческую фонетику монгольско-тюркских языков. В эти же годы появились его важные исследования „Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen“ (JSFOu, 28:3, 1912), а также ряд этюдов к вопросу об исторической фонетике монгольско-тюркских языков; среди них особого упоминания заслуживает „Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache“ (JSFOu, 32:2, 1916). Как уже видно из заглавий работ, вначале его интересы ограничивались монгольскими и тюркскими языками, хотя он и читал по меньшей мере однажды (в 1908—1909 учебном году) элементарный курс тунгусского языка. Как свидетельствуют некоторые рукописи в наследии Рамстедта, он уже в то время строил планы создания сравнительной исторической грамматики тюркско-монгольского языка. После того как в 1917 году Рамстедт получил звание экс. орд. профессора алтайского языкознания, издатель серии Sammlung Göschel вел с ним переговоры относительно издания выпуска „Алтайское языкознание“. Этот вопрос обсуждался вторично осенью 1919 года, но Рамстедт, который в то время был направлен в Токио в качестве финского поверенного в делах, был вынужден от этого предложения отказаться.

Дипломатическая деятельность Рамстедта, которая должна была носить случайный и кратковременный характер, затянулась тогда до 1930 года. В Токио обстоятельства благоприятствовали ему в изучении корейского языка, и уже в начале своих занятий он

отметил, что многие слова и формы корейского языка обнаруживают явное родство с соответствующими им в алтайских языках. Историко-фонетическому и морфологическому сопоставлению корейского и алтайских языков Рамstedт положил начало своей статьей „Remarks on the Korean Language“ (MSFOu, 58, 1928, стр. 441—453), а затем продолжил его во время своей возобновленной в 1930 году преподавательской деятельности в Хельсинки в ходе чтения курса исторической фонетики монгольско-тюркских языков (в 1930—1931 учебном году) и курса „Основные черты алтайских языков“ (в 1931—1932 учебном году). Лекции по исторической фонетике и морфологии алтайских языков он читал затем ежегодно, наряду с чтением элементарных курсов различных языков (весной 1934 года, впервые, — корейского языка). На протяжении 1936—1939 гг. мне посчастливилось участвовать в этих занятиях и, кроме того, получить от Рамstedта отпечатанные на машинке краткие конспекты читаемого курса, которые он имел обыкновение раздавать своим слушателям.

В последовавшие за возвращением на родину годы Рамstedт непрестанно трудился над рукописью грамматики алтайских языков, продолжая в то же время подготовку к изданию своего монументального калмыцкого словаря, уже многие годы находившегося в работе. В письме к профессору Карлгону Куну (Гарпард) от 1-го сентября 1933 г., копия которого у нас имеется, Рамstedт писал о том, что в предстоящем году должно выйти из печати его „Руководство по алтаистике“ („Handbuch der Altaistik“). Согласно годовому отчету Финно-угорского общества за 1937—1938 г., рукопись морфологии была уже в то время готова и насчитывала около 250 страниц машинописи, тогда как работу над подготовкой фонетики еще предстояло продолжить. Несмотря на это, издание рукописи было опять отсрочено, так как Рамstedт, с одной стороны, намеревался продолжать ее доработку и совершенствование, с другой же — хотел опубликовать сначала свою грамматику корейского языка и этимологию корейского языка. Последние из названных трудов („A Korean Grammar“, MSFOu, 82, 1939, и „Studies in Korean Etymology“, MSFOu, 95, 1949) были важны именно потому, что содержали материал, подтверждающий его теорию о принадлежности корейского языка к алтайской группе языков.

На базе постоянно пополнявшегося материала рукописи „Морфологии“ Рамstedт прочитал осенью 1946 года цикл лекций в Университете Упсалы. При этом он вновь роздал своим слушателям разбожженный конспект своего курса, содержащий в сокращенном виде с 1 по 87 параграфы „Морфологии“. После того как в 1949 году вышел его труд по этимологии корейского языка, Рамstedт целиком посвятил себя подготовке к печати окончательного текста рукописи и, в частности, рукописи „Морфологии“, так как эта работа уже и ранее находилась в состоянии, близком к завершению. В 1950 г. я смог оказать полезную ему при перепишке рукописи на белом и таким образом войти в курс вопросов,

связанных с ее подготовкой. Но с октября тяжелая болезнь уже не позволила Рамstedту наблюдать за моей работой.

* * *

После кончины Г. И. Рамstedта (25 ноября 1950 г.) мне были доверены Финно-угорским обществом подготовка к печати и издание его труда. В то время просмотренный им печатный экземпляр рукописи существовал в готовом виде до § 65 (Претеритальный суффикс -ba). Параграфы 7 Б (Синтаксическая атрибутивная конструкция), 26 (Множественное число на -и в монгольском языке), 34 (Вокативная основа наименований родственных отношений), а также 35 Б (Раздел порядковых числительных) тем не менее еще отсутствовали и были лишь позднее добавлены мною. Часть § 7 и § 26 существовали только в набросках и были включены ранее в рукопись только порядка ради, в то время как § 34 в общем и целом следует указаниям Рамstedта, данным им в дополнении. Изложение раздела о порядковых числительных (§ 35 Б) подготовлено мною самостоятельно, хотя и старался по возможности точно держаться идей Рамstedта и, как и в остальных сформулированных мною самостоятельно разделах, ссылаясь на источники.

Параграфы 57 и 58 о глагольных именах на -и и -иш были опубликованы уже ранее („Studia Orientalia“, XI:6, 1945, и MSFOu, 98, 1950, стр. 255—264) и включены в книгу всего лишь с несколькими поправками, главным образом корректурного характера.

В основу работы легли черновой, отпечатанный на машинке экземпляр рукописи объемом в 233 страницы и его копия. Оба экземпляра содержали многочисленные рукописные изменения, поправки и дополнения, сделанные автором для себя. В качестве третьего источника я использовал упоминавшиеся выше размноженные конспекты лекций 1946 года, которые были доведены, однако, только до § 87. Особенно глубокой переработки требовала последняя часть рукописи, в связи с чем §§ 105, 107, 109, 111, 112, 120, 121, 122, 130, 134 и 135 были целиком написаны заново. При этом я смог также использовать статью, опубликованную в сборнике „Aufsätze und Vorträge von G. J. Ramstedt“ (JSPOu, 55:3, 1951)*. В результате проделанной работы объем рукописи возрос до 309 страниц.

Таким образом, поскольку труд Г. И. Рамstedта в его данной окончательной редакции составлялся в течение четырех десятилетий, в нем, даже и без сделанных мною дополнений и изменений, обнаруживается известная постройка и неравномерность. На нее не раз указывал и сам Рамstedт, имея в виду хотя бы неравномерность числа примеров в отдельных параграфах, которую так и не удалось устранить. При подготовке рукописи к пе-

* Подробная библиография разных языковедческих трудов Г. И. Рамstedта приведена в „Studia Orientalia“, XIV: 12, Хельсинки, 1950.

чати я старался сохранить, по возможности, все примеры для того, чтобы предоставить читателю хотя бы богатое собрание материала, если уж трактовка его в силу обстоятельств оставляет желать лучшего.

Длительность периода подготовки труда повлекла за собой нарушение единообразия и последовательности в методе цитирования и в приемах транскрипции, и этот недостаток мне не удалось полностью устранить. Различные сборники языковых текстов из малоизученных языков, использованные автором в качестве источников, применяют чаще всего различную транскрипцию. Особенной пестротой отличались записи чувашских примеров. При дружеском содействии маг. фил. Эйно Каракка я начал с того, что унифицировал их по образцу чувашского словаря, составленного Паасоненом, ибо Рамстедт пользовался этой же системой для оформления большей части своих примеров; так например запись смягчения, сделанная приемом, принятым у Рамстедта, — *jup-šš*, *širu-šš*, *iü-šš*, *šuru-šš* (§ 116), в соответствии с системой, принятой Паасоненом, была переделана в *jupšš* (~ *jupššä* ~ *jupššö*), *širuššä*, *iüşšä*, *šuruššä*, однако же эта унификация в записи примеров несколько более упрощена, чем у Паасонена, так как сам Рамстедт никогда не писал *š*, а всегда *šš*. Транскрипция примеров из остальных языков также, по возможности, унифицирована, но чрезмерная краткость в ссылках на источники затрудняла эту работу и не позволила мне выполнить ее до конца. Все же следует надеяться, что случайные несогласованности не вызовут значительных практических затруднений при пользовании книгой. Там, где встречаются формы и значения, оставшиеся неизвестными для словарей и другой справочной литературы, Г. И. Рамстедт, который владел большинством встречающихся здесь языков, опирался либо на собственные записи, либо же на свою выдающуюся память. Подобные случаи, однако, следует рассматривать как до известной степени сомнительные, так как не вполне исключена возможность научного построения по аналогии.

Принятая последовательность отдельных параграфов, возможно не всегда наиболее удачная, тем не менее сохранена в своем первоначальном виде. Некоторые места я снабдил поясняющими либо критическими подстрочными примечаниями.

Приходится сожалеть, что Рамстедт не смог сам завершить свое большое исследование, которое стоило ему нескольких десятилетий упорного труда. Завершение труда посторонней рукой оказывается всегда неудовлетворительным, и это в особенности можно отнести к такого рода труду, как данный, который предполагает чрезвычайно большие и глубокие познания в столь малоизученной области языкознания, как алтаистика. Несомненно, многочисленные недостатки моей работы оказались в известной мере выправленными тем, что при чтении корректур я получил возможность воспользоваться компетентной помощью проф. А. Габэн (Гамбург), проф. М. Рясанена и других. Считаю

своим приятным долгом выразить здесь им, а также д-ру Г. Стина, который провел литературную редакцию труда, мою величайшую благодарность.

Хотя я хорошо осознаю неудовлетворительность и несовершенство своей работы, предоставление языковедам этой части большого труда моего уважаемого и любимого учителя является моей радостной обязанностью. Вслед за выходом этой части труда — „Морфологии“ должен быть подготовлен и издан также первый том — „Фонетика“ с общим историческим и лингвистико-географическим введением. В третий том предполагается включить общий предметный и словарный указатель к двум первым частям.

Хельсинки, начало июня 1952 года.

Пентти Аалто.